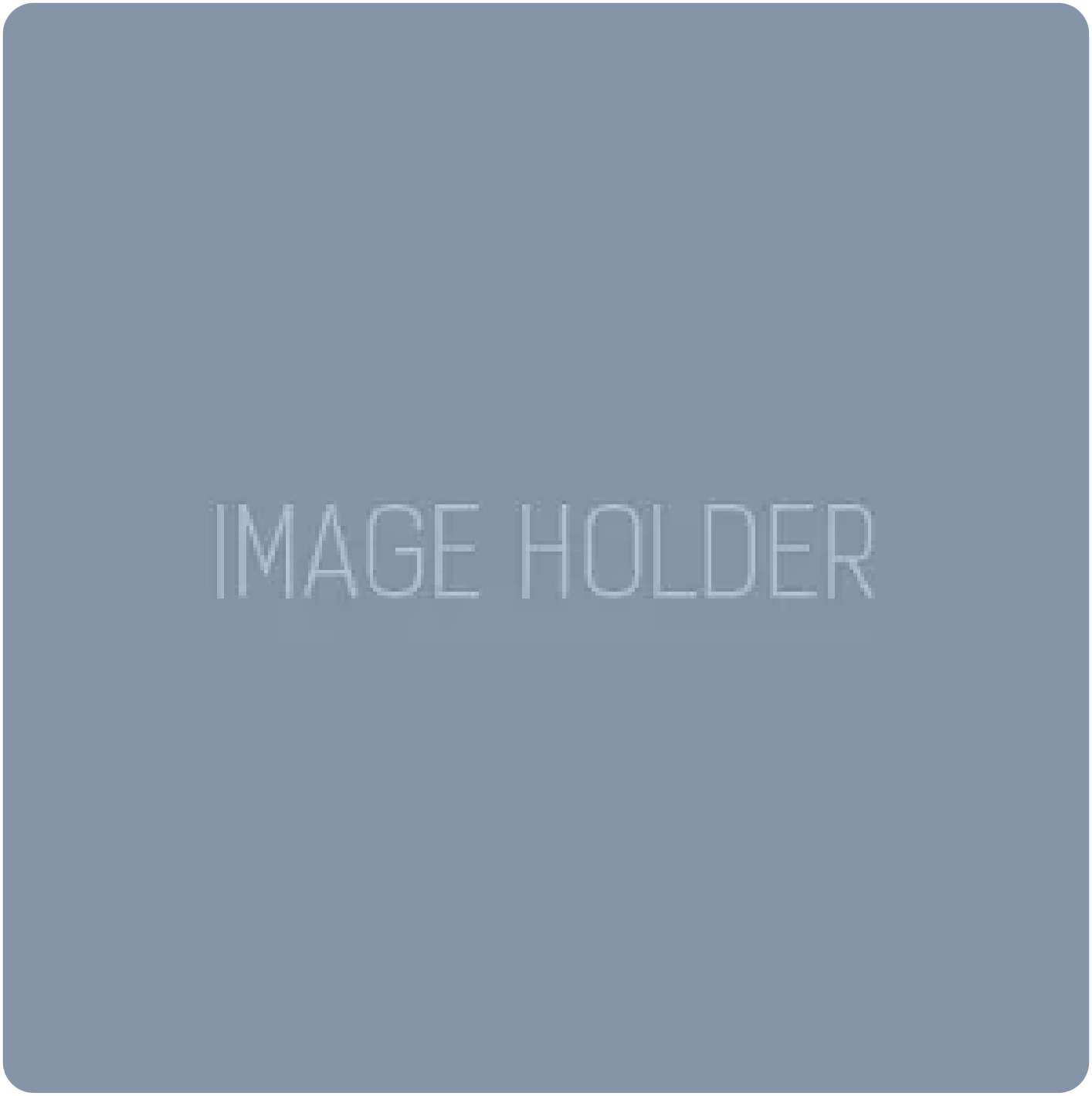

Сосиски и скрипки

Жанр произведения: Другое

Произведение написал автор BookBox Belief

Ссылка на публикацию

В моем детстве было две вещи, которые мой папа любил больше всего: рассказывать истории из армии… и хвастаться, что его дочь играет на скрипке.

Причем второе ему нравилось даже больше.

— Наша играет на скрипке, — с гордостью говорил папа к месту и не к месту.

И каждый раз я чувствовала себя так, будто он говорит не про меня, а про другого, далекого и очень несчастного ребенка. Но этим ребенком была я.

Я училась в музыкальной школе восемь лет. Первые четыре — терпела. Последние четыре — ненавидела. Если бы ненависть к музыке можно было измерять в децибелах, мой внутренний оркестр уже давно бы оглох.

Но бросить я не могла. Не потому что меня держала любовь к искусству. А потому, что сказать отцу, что я больше не хочу ходить в музыкальную школу, было невыносимо. Хотя каждый раз, когда я выходила из дома с футляром со скрипкой, он смеялся и подшучивал надо мной:

— Кажется, тебе просто нравится носить скрипку туда-сюда.

Мне не нравилось.

А почему вообще скрипка? Не пианино, флейта или виолончель?

Если честно, я сама долго не понимала. Хотя если копнуть чуть глубже… виновата моя сестра.

У сестры была особая способность — находить в моей внешности вещи, о которых я раньше даже не подозревала. Например, однажды она внимательно посмотрела на мои руки и сказала:

— У тебя пальцы как толстенькие сосисочки.

После паузы добавила:

— Такие руки не могут быть у аристократки.

Я тогда не до конца понимала, что такое аристократка. Но из её интонации было ясно — с сосисочными пальцами туда не берут.

Эти слова были как неожиданный подзатыльник, когда ты еще не успела провиниться. Не уверена, что в тот момент толком поняла, что это значит, но очень расстроилась.

Еще бы: мало того, что я жила в маленьком провинциальном городке, донашивала одежду за сестрой, так еще и пальцы не аристократичные.

Так жить нельзя.

С сосисками нужно срочно что-то делать.

Когда мама предложила попробовать поступить в музыкальную школу, в моей голове мгновенно родилась картина будущего.

Я — великая пианистка. Сижу за огромным черным роялем. На мне пышное платье. Руки летят по клавишам. Зал затаил дыхание.

Кто-то в первом ряду даже шепчет:

— Она гений.

А я такая: я знаю.

Причём платье в моей голове было не абстрактное. Нет. Оно было точно такое, как у одной из сестричек Олсен в фильме «Двое: я и моя тень».

И причёска такая же.

Я уже мысленно сыграла концерты во всех филармониях страны. И, если честно, немного захватила ближнее зарубежье.

Вечером перед вступительным экзаменом я лежала в кровати и нежно лелеяла эту фантазию.

Рояль. Платье. Аплодисменты.

В этот момент в комнату зашла сестра. Она посмотрела на меня и сказала:

— А ты знаешь, что у скрипачей всегда длинные и тонкие пальцы?

И вышла.

И даже не поняла, что отняла в этот момент восемь лет моей жизни.

Засыпала я под ритмичный стук в висках: длинные, тонкие, длинные, тонкие.

А утром был экзамен. Я спела. Похлопала ритмы. Повторила мелодии.

И, кстати, сдала всё очень неплохо.

В конце экзамена председатель комиссии равнодушно спросила:

— На каком инструменте хочешь играть?

Я уверенно ответила:

— На скрипке.

Переспрашивать, переубеждать и выяснять, как я пришла к этому решению, никто не стал.

Где-то в большом концертном зале тихо заплакал один рояль.

Так я стала любителем носить футляр от скрипки. Не из любви к музыке и утонченному инструменту. А просто потому, что мне хотелось доказать сестре, что мои пальцы могут быть лучше, чем они были на самом деле.

Восемь лет я стойко посещала музыкальную школу. Получила диплом и спрятала его в шкафу.

Но иногда мне кажется, что если бы сестра тогда сказала:

— У балерин длинные ноги. В отличие от тебя!

Я бы сейчас рассказывала эту историю из Большого театра.

И, возможно, на шпагате.